

ОТКРЫТИЯ — КАЖДЫЙ ДЕНЬ

К многочисленным титулам и наградам балерины Майи Плисецкой прибавилась еще одна — самая высокая и почетная — Ленинская премия.

Сегодня немногие артисты мира могут соперничать с Майей Плисецкой в широте и бесспорности всеобщего признания, и редко кому на долю выпадало такое обилие восторженных рецензий и такое поклонение публики. Каждое ее появление перед зрителями превращается в новый триумф балерины, в волнующий и незабываемый праздник истинного искусства.

За 20 лет Майя Плисецкая создала на сцене Большого театра десятки ярких образов, и если начать перечислять, то список вместит все лучшие балеты классического и современного репертуара.

Ее почерк не спутаешь ни с чьим другим, хотя в каждой роли она буквально преображается, наделая новый образ уникальной неповторимостью. Партии, несхожие по темпераменту, характеру, она исполняет с одинаковым блеском, и порой просто невозможно понять, какие амплуа ее влекут.

Сама актриса говорит, что больше всего она любит, причем в равной мере, шесть балетов — «Лебединое озеро», «Ромео и Джульетта», «Спящая красавица», «Раймонда», «Дон-Кихот», «Каменный цветок». Но когда я сказал ей, что, очевидно, все эти роли объединяются для нее чем-то общим, она ответила:

— Только одним — они все разного характера. В этом-то и дело. Самой любимой роли для меня просто не существует.

Этот ответ проясняет многое в отношении Майи Плисецкой к балетному искусству. В ее техническом арсенале нет гипертрофированных черт, и ее творческая палитра замечательна не столько тем, что балериной найдены неповторимые краски, сколько тем, с какой смелостью она смешивает самые контрастные, самые неожиданные цвета.

Ее язык — это танец, далекий от пантомимы и бытового приближения к чему-то знакомому. Поэтическому стилю Плисецкой чужды простые сравнения, он весь — метафора. Условность танца, призванного выразить самые трепетные и высокие человеческие чувства в пластике и музыке, доведена Майей Плисецкой до крайности, за которой условность и символика перестают существовать. От ее одухотворяющего прикосновения бессловесная условность танца рушится на глазах. То, что говорит Плисецкая зрителю, не переведешь на язык другого искусства без потери прелести оригинала.

Техника балерины виртуозна, но об этом не думаешь во время спектакля, замороженный артистизмом, растворившем в себе и изумительное мастерство, и весь тот гигантский закулисный труд, без которого немислима профессия балерины.

Ежедневно час пятнадцать минут Майя Плисецкая, как школьница, занимается в классе, повторяя ак-

сисмы балетной техники и не давая себе ни минутной поправки. «Бывает, когда ужасно не хочется заниматься», — признается она, — но себя даже не спрашиваешь — надо идти и кончено».

Труд балерины — нелегкий труд. Каждый спектакль — это свороченные горы, напряжение, которое можно сравнить с самой тяжелой физической работой.

Майя Плисецкая достигла такой степени совершенства, что могла бы иногда танцевать вполсилы — все равно подавляющее большинство зрителей этого бы не заметило. Но такого у Плисецкой быть не может. Самый будничней спектакль для нее — всегда премьера, любой выход на сцену заставляет волноваться, как вчера, позавчера, двадцать лет назад.

Она привыкла к цветам, аплодисментам, гулу толпы, но отучиться волноваться не может. Наверно, поэтому успех никогда не оставляет ее. Однажды я спросил Плисецкую, когда она почувствовала в себе силы сделать все, что ей хочется.

— Каждый балет, каждая роль, — ответила она, — были своего рода победой — над собой ли, над вчерашним ли днем. Понемногу это накапливало опыт и силы. В последние годы мне стало легче танцевать. Меньше устаю, больше владею собой. Но каждый раз, когда выходя на сцену, хочется сделать что-то новое. Я каждый раз танцую балеты иначе, чем вчера. Каждый раз — и этому не должно быть конца.

Можно десятки раз смотреть «Лебединое озеро» (мировой рекорд, наверно, принадлежит бывшему послу США в СССР Ллуэллину Томпсону, который за двадцать лет дипломатической карьеры в Москве видел «Лебединое озеро», если верить журналу «Лук», 179 раз) с Плисецкой в роли Одетты-Одильи, можно знать наизусть все партии, но никогда не привыкнешь к ослепитель-

ному фейерверку, зажигаемому перед зрителями балериной. Не привыкнуть потому, что происходящее на сцене не воспринимается как спектакль; история, рассказываемая Майей Плисецкой, каждый раз развивается как происходящее на наших глазах событие.

И вот именно это умение Плисецкой не пересказывать известный сюжет, а жить на сцене естественной жизнью, вылившейся в танец, и составляет одну из определяющих особенностей ее дарования. Она никогда никому не подражала — ни признанным авторитетам, ни ранее предложенным трактовкам ролей. Интуитивно она всегда искала тот идеал балерины, который многие сейчас видят в ней самой.

Знаменитейшие театры мира умоляют ее выступить на их сценах, и об этих выступлениях потом возникают легенды. Кино и телевидение разнесли ее искусство по всему свету, но каждый, кто любит искусство, сочтет за счастье еще раз увидеть Плисецкую на сцене.

— Успех и благоволение публики всегда приятны для артиста, — говорит балерина. — Если ты нравишься, значит трудишься не напрасно. Ведь танцуешь не для себя, а для людей, которым хочется доставить радость. — И шутливо добавляет: — А для себя я танцую дома.

Сегодня совершенно ясно, что вслед за Галиной Улановой Майя Плисецкая завоевала право называться величайшей балериной мира. Она слышит подобные комплименты очень часто, но это несколько не мешает ей чувствовать, что впереди еще много неизведанного, что бы она хотела покорить. Она мечтает выступить в современном балете, балете, быть может, написанном специально для нее.

Известие о присуждении ей Ленинской премии застало ее в итальянских гастролях, где за короткий срок она выступила в нескольких спектаклях «Лебединого озера». А после возвращения — снова работа, спешная и интересная. За несколько недель она должна будет подготовить роль в балете Стравинского «Жар-Птица».

И так — все время. Работа и работа. Но зато ее будни — это праздник зрителей.

А. АВДЕЕНКО.